

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

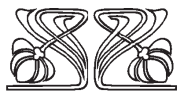
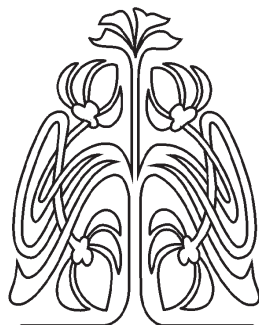
НОВОЕ О СОЛЖЕНИЦЫНЕ

2012-й и особенно 2013-й, год 95-летия Александра Исаевича Солженицына, ознаменованы выходом в печать целого ряда книг, посвященных писателю. Определяющую роль в этом деле сыграли Наталия Дмитриевна Солженицына и сотрудники Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (г. Москва).

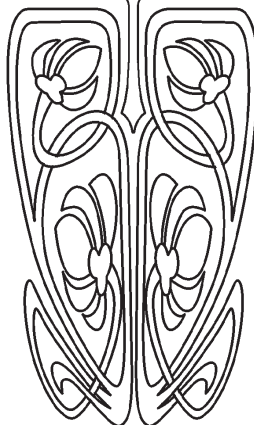
Представляется важным дать обзор ключевых изданий¹.

С конца 2012 г. печатается ежегодный альманах «Солженицынские тетради». Для солженицыноведов это знаковое событие, так как все мы хотели, чтобы подобное издание было. Цель его – стимулировать движение научной мысли², «способствовать общению профессиональных исследователей жизни и творчества писателя и его заинтересованных читателей»³. На сегодняшний день опубликовано два выпуска (Вып. 1. М.: Русский путь, 2012. 344 с.; Вып. 2. М.: Русский путь, 2013. 344 с.). Главный редактор – А. С. Немзер. Материалы и исследования помещены в таких разделах, как «Публикуется впервые: Из наследия Александра Солженицына», «Статьи, дискуссии, воспоминания», «Литературная премия Александра Солженицына», «Хроника», «Архивные находки». Без сомнения, настоящим подарком для солженицыноведов и заинтересованных читателей, открывающих страницы «Солженицынских тетрадей», являются ранее не опубликованные тексты из наследия Солженицына. В первом выпуске мы знакомимся с очерками «Литературной коллекции» «Николай Лесков» и «Виктор Астафьев», во втором – «Мой Булгаков». С благодарностью издателям (Е. Ц. Чуковской и Н. Д. Солженицыной) впервые полностью читаем переписку А. И. Солженицына с Л. К. Чуковской (Вып. 1: 1967–1974; Вып. 2: 1974–1977) и Е. С. Булгаковой (Вып. 2: 1962–1968). Во второй раздел «Тетрадей» входят интересные научные статьи, посвященные различным аспектам творчества Солженицына. Ценными с историко-литературной точки зрения представляются и мемуарные материалы: И. Б. Роднянской об «истории несостоявшейся энциклопедической статьи о Солженицыне» в КЛЭ, Н. Д. Солженицыной, И. В. Куклиной и И. А. Хроль – о «невидимке» Н. И. Зубове. Некоторые из опубликованных в альманахе статьей можно назвать продолжающимися. Среди таких назовем работы А. С. Немзера о романе «В круге первом», А. Д. Шмелева – о стиле произведений Солженицына. С разделом «Публикуется впервые» коррелирует раздел «Архивные находки». В этой части «Солженицынских тетрадей», благодаря заведующей отделом изучения наследия А. И. Солженицына Дома русского зарубежья Г. А. Тюриной, подготовившей материалы к печати, читателю становятся известны подробности отношений А. И. Солженицына и Ю. М. Лотмана (Вып. 1), фронтового пути отца Солженицына (Вып. 2), а также переписка (1963–1968) А. И. Солженицына и члена редколлегии журнала «Звезда» Н. Г. Губко, являвшейся одной из первых рецензентов «Одного дня Ивана Денисовича» (Вып. 2). Важную информативно-просветительскую задачу выполняет раздел «Хроника», неизменно подготавливаемый Г. А. Тюриной. Он дает возможность исследователю Солженицына постоянно пополнять библиографию изданий произведений писателя, литературы о нем, следить за проходящими «солженицынскими» научными мероприятиями, выставками, узнавать о новинках теле- и кинопродукции, посвященной Солженицыну. Отмечу, что каждый выпуск «Солженицынских тетрадей» содержит цветные вклейки, визуально дополняющие публикуемые материалы.

В ноябре 2012 г. исполнилось пятьдесят лет со дня опубликования рассказа А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в журнале

ПРИЛОЖЕНИЯ

«Новый мир» (1962. № 11). К «юбилею» рассказа Домом русского зарубежья практически одновременно были подготовлены два исключительных издания. Первое – «**«Ивану Денисовичу» полвека: Юбилейный сборник (1962–2012)**» (Сост. П. Е. Спиваковский, Т. В. Есина; вступ. ст. П. Е. Спиваковского) (М.: Русский путь, 2012. 744 с.). «Материалы сборника охватывают, – как отмечает П. Е. Спиваковский, – период с 1961-го, когда речь шла о судьбе пока еще не изданной машинописи «Щ-854», до 2009 года. Это архивные документы, литературно-критические и научные статьи, дневниковые записи, письма и воспоминания людей, так или иначе соприкоснувшихся с произведением»⁴, первые отзывы на публикацию рассказа, а также записки «из партийных и правительственных архивов». Второе – «**«Дорогой Иван Денисович!...»: Письма читателей: 1962–1964**» (Сост., коммент., предисл. Г. А. Тюриной) (М.: Русский путь, 2012. 360 с.)⁵. То, что опубликовано в этом сборнике, впервые вводится в научный оборот. Г. А. Тюриной удалось отобрать и подготовить уникальные материалы из фондов РГАЛИ и архива писателя в Троице-Лыкове – «не изданные прежде письма-отклики читателей на первую публикацию рассказа Александра Солженицына»⁶. Письма представлены по таким группам, как «внутренние рецензии, переписка главного редактора «Нового мира», «отклики читателей», «письма бывших зэков», «письма однополчан», «письма в поддержку присуждения Александру Солженицыну Ленинской премии». Всего 168 писем «читателей» и 12 ответных писем А. И. Солженицына. Завершает книгу перепечатка Договора от 12.12.1961 г. между А. И. Солженицыным и издательством о публикации «Одного дня Ивана Денисовича» в журнале «Новый мир» и «Личного дела А. И. Солженицына в архиве Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете министров СССР. Сентябрь-октябрь 1963». Как отмечает Г. А. Тюрина, опубликованное – это лишь часть «огромного массива» («не менее 500 откликов») писем читателей «Одного дня Ивана Денисовича».

15–16 ноября 2012 г. в Доме русского зарубежья состоялась Международная научная конференция «**«Ивану Денисовичу – полвека»**». Спустя год вышел сборник, содержащий доклады участников конференции (М.: ВИКМО-М, 2013. 248 с.). «Статьи посвящены общественному и культурному значению рассказа, его поэтике, читательскому восприятию, этическим и социальным проблемам, затронутым в произведении»⁷. Составителем издания выступила И. Е. Мелентьева. В первых трёх разделах сборника представлены статьи участников конференции. Среди них российские и зарубежные исследователи и почитатели творчества А. И. Солженицына: Е. В. Иванова, А. Е. Климов, И. Е. Мелентьева, М. Николсон, Л. И. Сараскина, Р. Темпест, Г. А. Тюрина, А. В. Урманов, Н. А. Шапири,

А. Д. Шмелёв. Опубликована и статья саратовских солженицыноведов Л. Е. Герасимовой и Г. М. Алтынбаевой «Этический смысл формы рассказа “Один день Ивана Денисовича” в восприятии сегодняшних студентов». Специальный раздел издания составили речи-воспоминания, речи-размышления Г. Б. Волчек, Р. А. Гальцевой, Б. Н. Любимова, Е. Ц. Чуковской и др. Особый интерес представляют мемуарные «записки редактора» «Нового мира» И. П. Борисовой, литературного критика, «одной из последних представительниц новомирской редакции времен А. Т. Твардовского, свидетеля и участника многих литературных событий, вошедших в историю русской словесности XX в.»⁸. Как отмечает И. Е. Мелентьева, «сборник завершает “юбилейную серию”, посвященную 50-летию первой публикации “Одного дня Ивана Денисовича”»⁹.

11 декабря 2013 г. Александру Исаевичу Солженицыну исполнилось бы 95 лет. В ознаменование этого события в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина 9 декабря 2013 г. открылась выставка «Александр Солженицын: Из-под глыб. Рукописи, документы, фотографии». Идея и концепция выставки принадлежат Н. Д. Солженицыной, экспонаты подготовлены Г. А. Тюриной. Мне посчастливилось дважды побывать в музее и дважды (в декабре 2013 г. и в феврале 2014 г.) подробно ознакомиться с экспозицией. Переходя от стенда к стенду, следуешь хронологии жизни великого писателя. Практически все экспонаты – это впервые представленные оригиналы «рукописей, документов, фотографий и личных вещей из архива писателя в Троице-Лыкове». Это «своего рода *биография в рукописях*» (Н. Д. Солженицына). Посетителя выставки поражают не только экспонаты, но и само оформление зала (зал № 31). Во-первых, каждый экспонат содержит аннотацию, во-вторых, каждый из 12 стендов довершается оригинальными форматами «любимого Солженицыным великого голландца» Рембрандта (24 офорта из фондов ГМИИ), в-третьих, искушенного компьютерными технологиями человека привлечет мультимедийная часть экспозиции (слайд-презентация фотолетописи Солженицына и возможность в интерактивном режиме «полистать» оцифрованные фрагменты рукописей писателя); наконец, рукописи, документы, вещи так расположены, что ты фактически прикасаешься к ним, включаешься в ход течения XX века, так полно выраженного жизнью и творчеством А. И. Солженицына. Выставка не была бы полной, если бы к ее началу издательство «Русский путь» не выпустило альбом **«Александр Солженицын: Из-под глыб: Рукописи, документы, фотографии: К 95-летию со дня рождения»** (М., 2013. 372 с. 412 ил.). Авторы-составители: Н. Д. Солженицына и Г. А. Тюрина, дизайнер Е. А. Корнеев. Книга включает всё, что было представлено на выставке, и даже больше; тексты, сопровождающие объекты каталога, – развернутые описания со сносками и ссылками. Пре-

имущество альбома и в том, что «мелкие» экспонаты даны на его страницах в масштабе, и можно еще внимательнее и подробнее рассмотреть вещи, рукописи, документы, фотографии. Специального внимания заслуживает полиграфическое решение каталога – это исключительный образец книжной продукции: внешне выглядит как переплетенная рукопись, внутри – на листах разного качества (мелованная бумага, тонкий картон, плотные листы) – в цвете и в черно-белом решении – вся жизнь великого писателя. Каталог выставки, в полном смысле, – «литературно-художественное издание».

Уверена, список перечисленных изданий в ближайший год еще пополнится сборниками и журналами, посвященными 95-летию А. И. Солженицына. И один из них – настоящий выпуск «Известий Саратовского университета».

Примечания

- ¹ В обзор не включен сборник статей «Жизнь и творчество Александра Солженицына: На пути к «Красному Колесу»» (М.: Русский путь, 2013), так как о нем специально говорит в своей рецензии, представленной в этом же разделе журнала, А. И. Ванюков.
- ² Немзер А. К читателю // Солженицынские тетради: Материалы и исследования: альманах. Вып. 1. М., 2012. С. 7.
- ³ Солженицынские тетради. Вып. 1. С. 344.
- ⁴ Спиваковский П. Через полвека // «Ивану Денисовичу» полвека: Юбилейный сборник (1962–2012) / сост. П. Е. Спиваковский, Т. В. Есина; вступ. ст. П. Е. Спиваковского. М., 2012. С. 9.
- ⁵ См. рецензию на это издание: Гаркавенко О. Дорогой Иван Денисович!..: К 50-летию публикации самого известного рассказа Солженицына // Православная вера. 2012. Декабрь. № 24 (476). С. 12.
- ⁶ «Дорогой Иван Денисович!..»: Письма читателей: 1962–1964. М., 2012. С. 359.
- ⁷ Международная научная конференция «“Ивану Денисовичу” – полвека»: К 50-летию публикации рассказа Александра Солженицына. Москва, 15–16 ноября 2012 г. М., 2013. С. 243.
- ⁸ Мелентьева И. Инна Петровна Борисова (1930–2013). In *memoriam* // Международная научная конференция «“Ивану Денисовичу” – полвека». С. 234.
- ⁹ Мелентьева И. От составителя // Там же. С. 7.

Г. М. Алтынбаева

Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу»: сб. ст. / сост. Л. И. Сараскина. М.: Русский путь, 2013. 560 с.

В конце 2013 г. в московском издательстве «Русский путь» вышел солидный научный труд «Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к “Красному Колесу”», в состав которого включены «наиболее значительные материалы одноименной Международной научной конферен-

ции, организованной Домом русского зарубежья имени А. Солженицына, Российской академией наук, Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям Российской Федерации и проходившей 7–9 декабря 2011 года в Доме русского зарубежья» (С. 5).

Составитель сборника, автор первой биографии Александра Солженицына на русском языке Л. И. Сараскина отметила широкий представительский и научный диапазон конференции: «В рабочих заседаниях конференции, пленарных и секционных, участвовали филологи, философы, историки, педагоги и переводчики произведений Солженицына на иностранные языки. Это учёные из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Воронежа, Саратова, Кисловодска, Красноярска, Благовещенска, а также исследователи из США, Великобритании, Австралии, Франции, Швейцарии, Польши, Литвы, Японии, Китая, Индии.

В ходе конференции <...> рассматривались важные аспекты творческой эволюции А. И. Солженицына на пути к созданию эпопеи о русской революции «Красное Колесо», анализировались историческая реальность эпопеи, освещалась философская и религиозная мысль писателя в контексте русской и европейской литературной традиции. Значительное число докладов было посвящено вопросам поэтики эпопеи и её воздействия на современные интерпретации отечественной истории» (С. 5–6).

Структура представляемого сборника в полной мере отражает ход и состав научного форума. Его вводная часть даёт приветствия на открытии конференции. Это обращение к участникам конференции Президента Российской академии наук Ю. С. Осипова (текст приветствия зачитал директор Дома русского зарубежья В. А. Москвин), который начал свое слово с напоминания: «Александр Исаевич Солженицын, создатель “Архипелага ГУЛАГ”, достаточно скромно, без самовосхвалений определил смысл и сверхзадачу своего творчества: “Я хотел быть памятью, Памятью народа, который постигла большая беда”. Весь жизненный путь великого писателя как бы вёл его к этой теме» (С. 9), а завершил движение мысли ёмким обобщением: «...он не писатель лагерной или деревенской темы. В нём Россия потеряла в 2008 году писателя общенационального масштаба, одержимого мечтой о лучшей судьбе для России, о творческом её переустройстве. Солженицын и ныне дарует свет всем поколениям читателей – “свет и непопадаемый подъём духа” (Анна Ахматова) (С. 10). М. Сеславинский, руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ, естественно входя в атмосферу как на «замечательном концерте классической музыки» (С. 11), сказал: «Александр Исаевич Солженицын объединил много хороших людей и продолжает их объединять» (С. 11), и обратил внимание на библиофильский (близкий ему) аспект творческого наследия писателя. Упол-

номоченный по правам человека в РФ В. Лукин в своём выступлении подчеркнул: «О писателях и мыслителях судят по их наивысшим достижениям. А наивысшие достижения Александра Исаевича в литературном плане совершенно уникальны <...> Александр Исаевич сыграл уникальную историческую, ни с кем и ни с чем не сравнимую роль в той главной теме – страдания России в XX веке, страсти России в XX веке, – которая в нашей стране больше всего занимает людей» и далее заметил: «...изучать уникальность его таланта, понять глубину его размышлений и то, в чём заключается его главный наказ, – это очень серьёзная задача» (С. 13–14).

Основная часть сборника состоит из шести разделов, которые в последовательности представляют главные содержательные сферы рабочей программы конференции и в единстве складывают целостную мощную концепцию научного труда. Внутри разделов статьи авторов идут в алфавитном порядке (по фамилиям), и этот принцип расположения материалов в данном случае оказался и содержательно оправданным, и композиционно действенным.

Первый раздел сборника называется «Отображение и осмысление исторической реальности в “Красном Колесе”» и включает десять статей. Раздел открывается статьёй Г. Алтынбаевой (Саратов) «Окололитературная среда начала XX века в “Красном Колесе” А. И. Солженицына», в которой убедительно показано, как «окололитературная среда» передаёт «воздух эпохи», «полифонию времени» (С. 17, 18) в «Красном Колесе»: «трёхмерный образ газет» (С. 21), «тема взаимодействия политики и прессы» (С. 24) и др. Стержневые проблемы первого раздела – «искусство и история», творческое мышление, художественное сознание автора и «вектор истории», «исторический процесс» в «Красном Колесе», причём некоторые статьи носят ярко выраженный дискуссионный характер.

«Человек – краеугольный камень всей историософии автора» (С. 28) – этот основополагающий тезис позволил Е. Бальзамо (Франция) в статье «“Выполнять свой долг. На своём месте”»: личность и исторический процесс в “Красном Колесе”» не только поставить и рассмотреть важные вопросы «диалектики власти» и «личности и коллектива», но и глубоко проникнуть в художественное пространство эпопеи: «...отсюда в композиции “Красного Колеса” расположение персонажей, напоминающее иконостас <...> И там, где православная традиция помещает Христа, Солженицын помещает того, чья власть непосредственно от него: русского императора» (С. 31); «отравленное идеологией общество неизбежно приходит к саморазрушению» (С. 35) и за «основу поведения» человеку «нужно принять принцип, вложенный автором в уста уходящего на фронт Сани Лаженицына» – «Выполнять свой долг. На своём месте» (С. 38). Настойчивым стремлением

понять и постичь сложное взаимодействие «искусства и истории в “Красном Колесе” А. И. Солженицына» привлекает статья Д. Волша (США), который уверенно ведёт читателя к финалу «Октябрь Шестнадцатого», образу Зины Алтанской: «Кажется, именно в этом образе автору удалось воплотить весь масштаб разворачивающейся катастрофы» (С. 47). Однако создаётся впечатление, что Д. Волш слишком увлекается своей интерпретационной логикой, разводя и корректируя Солженицына-историка и «чутьё художника»: «В этом призыве к искуплению, которым завершается “Октябрь Шестнадцатого”, более всего поражает то, что и сам автор, похоже, добился чего-то большего по сравнению с его собственным замыслом. Не просто сделать революцию предметом осуждения, но и ощутить в ней путь к раскаянию – это поистине новое откровение. Солженицын-историк не сумел различить в революции эту новую дорогу к покаянию, но чутьё художника его не подвело» (С. 50–51); «искусство проникает в суть вещей глубже, чем история» (С. 51). Рассматривая «Красное Колесо» «с точки зрения историка», польский учёный П. Глушковский приходит к выводу, что «Солженицын – писатель-пророк» (С. 57), но «не профессиональный историк» (С. 57), и приводит большой список «прегрешений» писателя: «К сожалению, после возвращения в Россию он не сверился с основными источниками по истории русской революции»; «с точки зрения профессионального историка, Солженицын также преувеличивает роль интуиции в познании прошлого» (С. 54); «писатель преувеличивает также значение интернационального фактора в организации революции в России» (С. 55); «мне кажется, что Солженицын, когда это ему удобно, забывает об историческом контексте» (С. 57). Вердикт П. Глушковского снисходителен: «Солженицына смело можно назвать историком-любителем» (С. 58).

Убедительным ответом П. Глушковскому в контексте первого раздела сборника выступают статьи В. Гуськова (Благовещенск) «Образ *Руси уходящей* в исторической эпопее А. И. Солженицына “Красное Колесо”», А. Климова (США) «Колебания вектора истории в “Красном Колесе”», Д. Махони (США) «“Зацариться”»: Николай II и грядущая революция», А. Шепеля (Санкт-Петербург) «Роман А. И. Солженицына “Август Четырнадцатого”»: работа писателя с военно-историческими материалами».

Н. Щедрина (Москва) в статье «“Красное Колесо” А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века» рассматривает «историческую эпопею» писателя в контексте «большого времени» и широких координатах «притяжений и отталкиваний» с историософскими концепциями русских писателей XX века (от Д. Мережковского до Д. Балашова), показывает «многослойность авторской философии истории» (С. 105) и заключает: «Красное Колесо» предстаёт

«ярчайшим явлением русской литературы XX столетия, отличающимся грандиозностью авторского замысла и мастерством его воплощения» (С. 110). И заканчивается первый раздел статьёй А. Юозайтиса (Литва) «Реформатор П. А. Столыпин и консерватор А. И. Солженицын: точки исторического соприкосновения», в которой поставленная проблема имеет своим истоком столыпинское именованье Калнабарже (своеобразный *genius loci* Литвы (С. 115) – прекрасный «исторический экскурс»), а «ростовыми» точками выступают проблема «Как нам обустроить Россию?» и «уважение к земству как принципу» (С. 118).

Второй раздел сборника «Философская и религиозная мысль» начинается статьёй А. Гапоненкова (Саратов) «Истинный и ложный консерватизм в “Красном Колесе” А. Солженицына», который отмечает, что «политическая философия консерватизма <...> просматривается <...> на разных уровнях художественно-исторического целого “Красного Колеса”» (С. 121), вводит (вслед за С. Л. Франком) понятия истинного и ложного консерватизма (С. 122), прослеживает «процессуальность» и многомерность историософской консервативной мысли в «повествовании» А. И. Солженицына и приходит к заключению, что «художественная концепция “Красного колеса” включает истинно консервативный взгляд на русскую историю, бытие России» (С. 130). «Пневматология как свойство реализма А. И. Солженицына в “Красном Колесе”» рассматривается в статье Л. Герасимовой (Саратов). Используя «богословский термин (учение о Святом Духе)», Л. Герасимова обращает внимание на «духоведческую» составляющую творческого мышления А. И. Солженицына, «пневматологическое измерение» (С. 132) поэтики писателя и убедительно показывает: «...духовный анализ Солженицыным истории и человеческой души – это освобождение от “идолов русского сознания”, от страха метафизического одиночества, обретение опоры. Пневматология в “Красном Колесе” <...> свойство самого художественного метода Солженицына» (С. 139).

И. Джайтли (Индия) ставит проблему «О сопротивлении злу силою: отражение идеи Ивана Ильина в “Красном Колесе”» и последовательно рассматривает её (проблему) на двух взаимосвязанных уровнях: «Саня Лаженицын: последователь Толстого на войне» (С. 141) и «Пассивность и слабость правящих и военных элит» (С. 145). Австралийский учёный Б. Перселл представляет свои «Некоторые размышления о философской и теологической историографии в “Красном Колесе” Александра Солженицына». Опираясь на труды австрийского философа Эрика Фёгелина, Б. Перселл возводит величественную и содержательно-увлекательную пятичастную конструкцию, «этажами» которой выступают «этиология самоубийства цивилизации в гомеровской эпосе и “Красном Колесе”», «Греческая трагедия и “Красное Колесо”», «философское понимание истории

Фёгелином», «от “Титлера и немцев” к Ленину и русским» и «теологическая подоплёка “Красного Колеса”»: Пьеро Кода о кенотической теологии Сергея Булгакова («Нисхождение Христа в ад», «Триединая сущность кенозиса», «Скрытая теология истории в “Красном Колесе”», «Нисхождение России в ад», «Битва за душу России между безраздельной ненавистью и безраздельной любовью» и «Свеча на ветру»). «Богоборчество как движущая сила революции: ответ “Красного Колеса”» выступает основным тезисом (и пафосом) статьи протоиерея Б. Пивоварова (Новосибирск), который глубоко проникает в «религиозно-философскую проблематику А. И. Солженицына и показывает, что «Красное Колесо» – это и «жизнеутверждающая книга» («Крест и Воскресение это и есть смысловая основа “Красного Колеса”» (С. 181, 182)), и «актуальная книга. Богоборчество – оно ведь не только в прошлом» (С. 182).

Тонкий, проникновенный «феноменологический обзор проявлений религиозности» (С. 189) даёт Д. Понтузо (США) в статье «Феноменология религии в “Красном Колесе” Солженицына». «Солженицын в восприятии Александра Шмемана» предстаёт в статье Е. Проскуриной (Новосибирск). Т. Смыковская (Благовещенск) исследует «пасхальные мотивы в “Красном Колесе”» и в заключение называет «Красное Колесо» «пасхальной эпопеей, произведением, в котором, несмотря на изобразительную революционную катастрофу, торжествует надежда, вера во спасение России и её народа» (С. 214).

«Напоминание об истине Божьей в “Красном Колесе”» видит и исследует Д. Хутен (США), обращаясь к «многомерности» (С. 221) беседы о Северьяна и Сани Лаженицына в «Октябре Шестнадцатого». А завершает второй раздел книги статья Э. Эриксона-мл. (США) «Нет ничего выше любви»: религиозная составляющая “Октября Шестнадцатого”, который уверенно убеждает читателя «в том, что это – самое христианское по сути произведение Солженицына» (С. 226).

Третий раздел сборника – «“Красное Колесо” и литературная традиция» – открывает статья С. Бочарова «Россия и Революция: от Тютчева к “Красному Колесу”», в которой чётко прослеживается путь от тютчевской концепции «Революции и России» (С. 235) к федотовской (Г. П. Федотов) «формуле революции нашей – марксистская пугачёвщина» (С. 239) и раскрывается миссия солженицынской эпопеи в постижении исторического процесса: «“Красное Колесо” даёт могучий урок понимания этой плохо нам известной истории» (С. 240). Проблемы историзма, типологии исторического повествования XX в. (на материале исторических романов Иво Андрича «Травницкая хроника. Консульские времена», «Мост на Дрине» и Александра Солженицына «Красное Колесо») – в центре внимания Э. Вахтеля (США) (статья «Раздвигая границы пространства и времени: Андрич, Солженицын и проблема историзма»).

Новый аспект проблемы, новые фактические материалы отличают статью Е. Ивановой (Москва) ««Последние дни императорской власти» А. Блока как комментарий к “Красному Колесу”». Заявив проблему «Г. И. Газданов и А. И. Солженицын» (С. 263), С. Кибальник (Санкт-Петербург) остановился на одном сюжете: обсуждении романа «Раковый корпус» в парижской студии «Радио Свобода». В. Котельников (Санкт-Петербург), анализируя «картину человека в “Красном Колесе”», считает, что в солженицынском повествовании «продолжается традиция русского хроникального эпоса с универсальным персоналогическим наполнением» и что «русский человек выступает здесь существом проблемным» (С. 269), «романная форма» предстаёт с «жесткой фрагментацией «картины человека» (термин А. Галича – А. И. Говорова. С. 275, 267).

«В. В. Набоков и А. И. Солженицын в пространстве больших идей» – тема статьи Л. Сараскиной (Москва), которая привлекает внимание читателей активным стремлением постичь «загадку» взаимоотношений «стратегий литературного поведения» (С. 276) двух гениальных русских писателей XX века. «“Ада” – это отрицание художественных задач “Красного Колеса” <...> Художественные ключи “Красного Колеса” – это антитеза к “Аде”, – пишет Л. Сараскина, оставляя открытым «вопрос: как воспринял бы Солженицын “Аду”, если бы прочёл этот роман, и что написал бы он после этого в Нобелевский комитет?» (С. 285). «Проблема релятивизма: Солженицын, Чехов, Достоевский и поиск истины» интересуется П. Спиваковского (Москва), но он почему-то (неубедительно для читателя) разделяет Солженицына, Достоевского («полифоническое художественное мышление Ф. М. Достоевского и А. И. Солженицына», «наличие полифонии как у Достоевского, так и у Солженицына» С. 289) и Чехова (релятивистские тенденции «ослабляют аналитическое начало в его произведениях. Бытие для агностика Чехова скорее всего бессмысленно и полно нелепых случайностей» С. 288). «Тема Москвы в “Красном Колесе”» увлечённо раскрывается в статье Г. Тюриной (Москва), она показывает, как «московские эпизоды, московские аллюзии выполняют свою существенную сверхзадачу в повествовании» (С. 294) и включают «в себя богатейшую русскую литературную традицию» (С. 297).

В четвёртом разделе книги рассматривается «Творческая эволюция А. И. Солженицына». Уже в заглавии статьи Л. Р. Вакамия (США) «“Дневник Р-17” и “Красное Колесо”: диалог автобиографии, литературы и историографии» точно обозначены и материал, и научная гипотеза автора. Действительно, «Дневник Р-17» является одновременно первичным текстом и метанарративом» (С. 305), и обращение к нему «даёт нам возможность наблюдать тот творческий и концептуальный аппарат, который определяет структуру одновре-

менно и романа “Красное Колесо”, и философии истории Солженицына в целом» (С.305). «Идея “сбережения народа” в ранних текстах А. Солженицына» великолепно раскрывается в статье Н. Ковтун (Красноярск), которая отмечает, что в творчестве А. И. Солженицына «идея сбережения народа» выступает «как основа “русской идеи” в целом» (С. 313), и приходит к выводу, что актуальность рассказа «Один день Ивана Денисовича» – в его «экзистенциальной проблематике» (С. 326). Ф. Лесур (Франция) рассматривает «неоконченную повесть» А. Солженицына «Люби революцию» как «пролог к “Красному Колесу”». (С. 328). Статья И. Роднянской (Москва) «Лирико-патетическое начало в “Архипелаге ГУЛАГ”» имеет подзаголовок: «К сравнению задач двух эпопей Александра Солженицына», и страстная логика движения исследовательской мысли ведёт не только к убедительному раскрытию поставленной проблемы, но и к глубинным истокам, «пафосу» «эпопей-исследования» (С. 344) и «эпопей о русской революции» (С. 345): «тому, что в духовной литературе принято называть “переменой ума”, “метанойей”» (С. 339). Завершает четвёртый раздел сборника статья М. Сидор (Польша) «Личность, общество, коллективный герой: трансформация модели героя в ранних произведениях А. Солженицына», которая органично связывает типологию героев в рассказах писателя начала 1960-х гг. со «специфическим видением Солженицыным истории в антропологическом аспекте»: мыслью «о том, что человек – не только часть коллектива, а основа истории. В этом заключается особенная оптика авторского видения мира» (С. 355).

Важное место в структуре книги занимает пятый раздел «Поэтика “Красного Колеса”», который не случайно оказался самым большим, многоаспектным и вместе с тем единым, целостным. А. Аркатова (США) изящно раскрывает систему ключевых женских образов в эпопее А. Солженицына «Красное Колесо»: образы Ликони, Зинаиды Алтанской, Ольды Андозерской и Екатерины Благодарёвой (по линии женственности и метафоричности), убедительно показывает, что они «играют ключевую и равноправную (“мир мужских героев”) роль в выражении историсофской концепции автора и создании антиреволюционного дискурса эпопей» (С. 359).

«О нарративной структуре “Красного Колеса” А. И. Солженицына» (С. 370) ёмко пишет К. Баршт (Санкт-Петербург). Сама «постановка вопроса» и «определение основных параметров повествовательной системы произведения» (С. 370) отличаются глубоким анализом и масштабностью. Указав «на принадлежность солженицынской эпопей к кардинальному направлению развития русской литературы XIX и XX веков» (С. 372), К. Баршт разворачивает целую систему характеристик нарратива «Красного Колеса»: автор «создаёт новое слово о смысле и цели че-

ловеческой жизни» («нарратив “Красного Колеса” в этико-философском смысле есть воплощённая любовь к человеку» С. 372–373), «авторская стратегия в “Красном Колесе” <...> заключается в предоставлении права голоса “другому”» (С. 375), писатель предлагает «объёмную конструкцию» событийности (С. 377), «рецептивную полифонию» (четыре слоя/пространства художественной реальности, четыре ипостаси движения персонажа, четыре дискурса в движении точки повествования, четыре позиции нарратора), «диалог индивидуального и Всеобщего» (С. 381), «предметом репрезентации становится <...> сама одновременность Целого» (С. 383), «базовой задачей автора является формирование универсальной, многоликой и акцентированно объективной точки зрения» (С. 384). В статье А. Ванюкова (Саратов) «“Красное Колесо” А. И. Солженицына: поэтика заглавия и структура повествования (Узел II. “Октябрь Шестнадцатого)”» показано, как «содержательные образы многомерного заглавия <...> воплощаются в структуре-архитектонике Узла II» (С. 387), в композиционном рисунке «Октября Шестнадцатого»: композиционная «мера», ритм Узла II – шесть глав – в движении художественной мысли Солженицына-романиста органично ведут к 37-й (ленинской) последней главе Книги первой и финальной 75-й главе (повести одного дня Зины Алтанской), «итоговой, духовно-вертикальной», «замковой» главе, «полно раскрывающей нравственно-философскую концепцию “Октября Шестнадцатого”» (С. 404). «Некоторые заметки об использовании пословиц в литературе, в особенности в русской литературе, в частности – в “Красном Колесе” Александра Солженицына» представляет К. Дюран (Франция), которому удаётся на фоне мировой традиции «универсального характера употребления пословиц» развернуть широкий диапазон бытования/«действенного использования» пословиц в произведениях Солженицына, в особенности в «Красном Колесе». Особую значимость в богатом культурном контексте статьи приобретает Приложение: «Французский перевод пословиц, оканчивающих главы “Красного Колеса”» (75 пословиц, С. 421–425). Японский исследователь К. Ивамото интересно решает проблему: «Ленин и Солженицын: идентификация автора “Красного Колеса” с героем», которая оказывается неразрывно связанной с «полифонией», «темой двойничества» эпопеи Солженицына (С. 428). К. Ивамото видит «ирреальную связь Ленина с Солженицыным» (С. 433) и указывает, что «в “Красном Колесе” А. И. Солженицын идентифицирует себя с Лениным только в Цюрихе» (С. 434) («Всегда важно скрытое решение события» С. 434)). Прекрасный образец содержательного микроанализа даёт И. Мелентьева (Москва) в статье «Свет и тьма восьмой главы “Августа Четырнадцатого”», наглядно показавшей, как работает солженицынский «принцип стыка глав» внутри восьмой главы «Августа Четырнадцатого»

и раскрывается поэтика «двучастного рассказа» как единого целого.

Центром раздела «Поэтика «Красного Колеса»», безусловно, является статья Н. Д. Солженицыной «Картотека “Красного Колеса”»: замысел и осуществление», которая вводит в научный оборот новые, уникальные материалы для изучения творческой истории «Красного Колеса», понимания «метода работы» писателя. Н. Д. Солженицына показывает читателю, что это за явление – «Картотека “Красного Колеса”», раскрывает её историю, содержание, «отношения – автора – с его Картотекой как с сотрудницей» (С. 449), и мы осознаём, что «вся эта уникальная Картотека с её содержанием – не просто подсобные заготовки в мастерской писателя, это в некотором смысле – отдельное творение Солженицына» (С. 449) и что «Картотека, которую он неустанно и вдохновенно наполнял десятилетиями, верно послужила сквозной достоверности “Красного Колеса”» (С. 450).

К «Фермопилам Георгия Воротынцева: солженицынской концепции мужественности» последовательно ведёт читателя американский учёный Р. Темпест. Он исходит из того, что А. Солженицын «в высшей мере мускулиный художник, чьё творчество насыщено риторикой мужественности» (С. 454), и воссоздаёт многомерный образ Георгия Воротынцева с его «лейтмотивом мужественности» (С. 458) и финальным выходом на Вал («метафорические Фермопилы эпопеи» (С. 460)). А. Урманов (Благовещенск) в статье «Саранча из бездны (Библейская символика в “Красном Колесе”»)) глубоко раскрывает развитие этого библейского образа-символа во всех Узлах «Красного Колеса» и приходит к выводу, что «образ саранчи в исторической эпопеи – это символ катастрофической по масштабам и последствиям духовной деградации российского “образованного общества” и в целом русского народа» (С. 472). «Художественное слово как форма выражения историсофских воззрений А. И. Солженицына» (С. 474) анализируется в статье А. Хитрой (Москва). А. Шмелёв (Санкт-Петербург) выделяет «Лингвистические мотивы в творчестве Солженицына: на пути к “Красному Колесу”» (С. 481) и рассматривает их в тексте романа «В круге первом»: «зарождение фоноскопии», «Сталин пишет статью о языкознании», «судьба заимствованных слов», «внимание к значению слова».

В последнем, шестом разделе сборника, «Солженицын и современность», всего четыре статьи, но они раскрывают основные линии анализа поставленной проблемы. Р. Гальцева (Москва) в статье «По дороге “Красного Колеса”»: в обратную сторону, или Борьба на два фронта» обращается к публицистике А. И. Солженицына («Жить не по лжи», «Письмо к вождям Советского Союза», «Наши плюралисты», «Как нам обустроить Россию», «Россия в обвале») с её актуальным призывом «переменить сознание» (С. 500), пафосом «предостережения» и продуманного реформи-

рования. Совершенно справедливо Р. Гальцева относит публицистику Солженицына, «в которой разработана система реформ, возвращающих Россию на историческую дорогу» (С. 510), к числу «творческих подвигов» (С. 509) писателя и выражает уверенность в том, что «дело Солженицына не останется втуне»: «наступит время, когда философия “либерального консерватизма”, завещанная нам самыми глубокими умами – Пушкиным, Вл. Соловьёвым, авторами “Вех”, а теперь вот и Солженицыным, – будет оценена и одержит победу в нашей общественной мысли и жизни» (С. 510). Китайский учёный Гуансюань Жэнь знакомит читателей с историей переводов, публикаций и восприятия творчества А. Солженицына в Китае («Сегодня Александр Солженицын для китайских читателей один из любимых русских авторов» (С. 513)), особо останавливается на китайской судьбе «Красного Колеса» (переведены и вышли в свет Узлы I и II) и заключает: «“Красное Колесо” Александра Солженицына является одним из незаурядных произведений русской литературы, его нужно переводить, издавать, читать и изучать» (С. 517).

Показательной для понимания определённого типа современных представлений о Солженицыне и «Красном Колесе» является статья Дм. Шляпентоха (США) «“Красное Колесо” Солженицына: между эмоциями и реальностью». Авторская методология наглядно проступает в такой последовательности мысли: «В своих книгах, предшествовавших “Красному Колесу”, Солженицын <...> подходил к русской/советской истории с позиций консервативного постмодернизма» (С. 523); «Сама логика исторического повествования повела автора в направлении, прямо противоположном изначальной идеологической задаче» (С. 525); «такое чисто эмоциональное нежелание хоть в какой-то мере оправдать ненавистную власть не только препятствовало осознанию некоторых глубинных основ революции, но и помешало писателю постичь внутреннюю логику другой, новой русской революции, разрушившей здание советской власти» (С. 526–527), «писатель не предвидел катастрофы и приветствовал падение ненавистного режима. Причиной тому, безусловно, стало его эмоциональное восприятие и прошлого, и настоящего» (С. 528) и финальный пункт: «Опыт Солженицына и сотен других умных людей России убеждает в истинности знаменитого высказывания Франсуа де Ларошфуко: “Ум всегда в дураках у сердца”» (С. 530). Вполне закономерной

в структуре книги представляется статья Л. Сараскиной «Неизбежность очерка о П. А. Столыпине в “Красном Колесе” А. И. Солженицына», в которой на широком историко-культурном фоне прослежена «неизбежность» вектора движения солженицынской концепции российской истории, личности в истории от «Письма вождям Советского Союза» («Без догматической предвзятости вспомним Столыпина и отдадим ему должное» (С. 533)), к столыпинской части «Красного Колеса» («Столыпин всегда был реалист, он думал и действовал едино» (С. 542)): «Солженицын всецело на стороне Столыпина» (С. 542), «политический портрет Столыпина в “Красном Колесе” парадоксален» (С. 544) и далее – к современности: «... нового Столыпина в России он, кажется, так и не увидел» (С. 545).

Заключительный раздел сборника «Закрытие конференции» – статья Н. Струве (Франция) «Том за томом: заметки первоиздателя “Красного Колеса”». Перед нами удивительное по тону и мысли Слово о Солженицыне человеке и писателе, удачный пример выразительного литературного портрета А. И. Солженицына, в котором органично сочетаются личные воспоминания («А потом, уже при появлении Александра Исаевича в Цюрихе, я потонул в его объятьях и испытал ту удивительную простоту, я бы сказал, удивительную простоту сложнейшего, даровитейшего, многозначительнейшего, исторически и литературно, человека» (С. 551)) и профессиональные характеристики различных «ипостасей Солженицына-художника» (С. 552): «дар предвидения», «он визионер» (С. 551), «Солженицын по своей природе – безмерный и одновременно он обладает высшим чувством меры» (С. 553); «он видит в кенозисе основной путь, спасительный для человека <...> и он нам это преподаёт всем своим творчеством. Потому он одновременно укоренённый и универсальный» (С. 553).

Таким образом, можно сказать, что представленная книга отражает – в определённой мере – современное состояние научного сообщества, обращенного к изучению творческого наследия выдающегося русского писателя, активно разрабатывает действенную методологию, плодотворные направления глубокого изучения художественного мышления, творческой эволюции А. И. Солженицына и вместе с тем намечает новые, перспективные линии постижения личности писателя как Явления, его заветов и уроков.

А. И. Ванюков